

УДК 821.161.1'42+929Чиж

ПРОБЛЕМА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е. Н. Брызгалова

Тверской государственный университет
кафедра журналистики и новейшей русской литературы

В статье рассматриваются процессы игрореализации, актуальные для современной массовой литературы и культуры в целом. Одной из основ этих процессов является интертекстуальность. Романы современного писателя Антона Чижая позволяют проанализировать особенности использования «чужого слова» для усиления коммуникативных процессов и вовлечения читателя в диалог с автором.

Ключевые слова: *современная массовая литература, процессы игрореализации, коммуникация, интертекстуальность, роман, автор, читатель, Антон Чиж*

Атмосфера игры чрезвычайно актуальна для современной массовой культуры, причём игровое начало служит общим, объединяющим фактором для разных её видов и направлений. Например, развитие компьютерных игр и развлекательного кинематографа сегодня оказывается чуть ли не единым процессом. Кино использует не только технические достижения (что естественно), но и идеи, построение действия, часто заимствует интригу, героев, а то и сюжет из наиболее популярных игр. Снимаются фильмы по играм, и наоборот – создаются игры по наиболее популярным фильмам.

Игровое начало становится одним из определяющих в массовой культуре, захватывая журналистику («omnibuspress») (чтение для всех) и массовую литературу, которая тоже не осталась в стороне от общего процесса и активно включилась в игру, используя доступные ей средства и создавая собственное игровое пространство. Думается, что в качестве примера можно вспомнить ряд романов Б. Акунина [1], стилизованных то под квест (термин, определяющий тематическую и жанровую специфику произведения и пришедший из компьютерной игры), то под «фильму», то под определённое направление в искусстве или стиль классика – т.е. под нечто, никак не подпадающее под привычное жанровое определение, – что это, как не включение в игру.

Наверное, не существует каких-то единых правил, у каждого писателя свои представления об игре и игровом пространстве и свои принципы его построения в произведении. Обратимся к творчеству Антона Чижая. Он опубликовал пять детективных романов, объединённых одним главным героем – петербургским сыщиком Родионом Ванзаровым. В каждом произведении распутывается клубок загадочного преступления, а попутно читатель узнаёт что-то новое о главном герое. Создание «сериального» героя, переходящего из романа в роман, – один из самых популярных приёмов в массовой литературе (и в

детективистике в том числе), и примеров тому множество, начиная от классических западноевропейских образцов (Конан Дойл, Агата Кристи и другие) и кончая многочисленными романами, чуть ли не каждый день появляющимися на книжном рынке. К чести господина Чижа заметим, что он придумал собственный ход, способствовавший тому, что его произведения не только не затерялись в море себе подобных, но и выделились на общем фоне открытой ироничностью, сложными взаимоотношениями, установившимися между автором и читателем, и откровенной ориентацией на игру.

Действие в романах А. Чижа происходит в дореволюционной России в начале XX в. С одной стороны, автор старательно воссоздаёт атмосферу жизни той эпохи и вводит в действие множество реалий. Так, в романе «Смерть мужьям» читатель вместе с обитателями Невского проспекта наблюдает за «наимоднейшим чудом техники, последним писком городской моды» [16, с. 10] – двухколёсным велосипедом, который играет важную роль в развитии сюжета. В основе романа «Аромат крови» [15] лежит идея проведения в Петербурге первого конкурса красоты (известно, что в европейских странах подобные мероприятия проводились, начиная с конца XIX в.). В романе «Смерть мужьям» [16] подробно описываются модные тенденции в одежде и особенно сти дамского костюма тех лет.

С другой стороны, изображение подчёркнуто условно: в тексте романов есть множество авторских замечаний, упоминаний о реалиях, указаний на предметы, которые никак не могут относиться к исторической эпохе 1900-х гг. Например, описывая реакцию Родиона Ванзарова на женскую красоту, автор замечает: «Красота женщины действовала на Родиона как столбняк. Словно помещали его в микроволновую печь (подумаешь – не было, а ощущение было) и прожаривали изнутри» [15, с. 31]. «Лидия Карловна была прирождённым оратором. Ей бы на баррикады или на трибуну Государственной Думы (которой ещё и в помине не было)...» [15, с. 287]. «Афанасий деловито кивнул, словно прокрутил в голове магнитную плёнку (подумаешь, про неё ещё никто не знал, а в голове филёра она была, не приставайте), нашёл нужное место и доложил...» [17, с. 215]. Через несколько строчек: «Наверняка мозг филёра, автоматически включив запись (отстаньте же!), вдруг уловил нечто важное» [17, с. 215–216]. Авторские замечания в скобках, в которых он отстаивает право на подобный взгляд, соединяющий разные эпохи, и являются моментом включения в игру. Пространственно-временные отношения, установленные в повествовании, в этот момент резко нарушаются, и читатель оказывается в положении то ли игрока, принимающего новые правила, то ли обманутого простака.

В романе «Аромат крови» можно увидеть известный сегодня каждому школьнику значок @, который полиция обнаружила в виде татуировки на теле жертвы. Границы создаваемой реальности размываются, и за счёт этого произведение кажется более «многослойным» и уже не так крепко привязанным к канонам жанра, в данном случае, детективного. Не случайно, сам автор не воспринимает свои романы как исторические детективы. А отсюда вполне допустима мысль, что он противопоставляет свою модель организации пространства классической модели исторического детектива, представленной, например, у Б. Акунина. В этом случае игра оправдана тем, что автор вступает в сложные

диалогические отношения не только с читателем, которому предложено участвовать в ней, но и с целым пластом литературы, рассчитанной на этого читателя.

Рассуждения об игровом начале в массовой литературе невозможны без разговора об интертекстуальности – одном из центральных процессов в современной культуре. Понятие интертекстуальности включает в себя «самые разнообразные типы практик и форм: аллюзии, плагиат, перезапись, пародия, стилизация, коллаж» [13, с. 45]. Существование ассоциативных связей «объясняется самой природой текста как факта культуры и как способа освоения, познания и преобразования действительности. <...> В связи с этим в процессе порождения текста автор программирует разного рода ассоциации: образно-метафорические, культурологическое, социальные и пр.» [2, с. 297].

«Чужое слово» используется в массовом чтении (будь то художественная литература или бульварные газеты) чрезвычайно широко. Интертекстуальность осуществляется через использование т.н. прецедентных текстов – «значимых для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, хорошо известных окружению данной личности, включая и предшественников и современников» [6, с. 216–217]. В качестве таковых учёные рассматривают кинофильмы, телевизионные программы, рекламу, песни, анекдоты, литературные произведения, живописные полотна, современный фольклор, скульптуру, памятники архитектуры, музыкальные произведения и т.п. [7]. В романах А. Чижа в качестве прецедентных текстов выступают цитаты из популярных песен, которые, что называется, на слуху у публики. Например, об убитой девушке, претендентке на участие в конкурсе красоты, герой говорит: «Убили потому, что нельзя быть красивой такой» (здесь и далее выделено мной. – Е. Б.) [15, с. 93], – что почти дословно повторяет фразу из песни, какое-то время назад обладавшей огромной известностью. Популярные песни советской эпохи тоже представлены («Тут, как в сказке, скрипнула дверь, и приёмное отделение пересёк высокий цилиндр, из-под которого торчали тараканьи усы и угадывался их владелец» [15, с. 234]. Встречаем фразу из мультфильма: «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает опрометчиво» [15, с. 251]. В том же романе обыгрывается слоган очень известной рекламы напитка: «“Праздник к нам приходит!” – читалось по физиономии дворника, чистящего подъезд от снега. “Праздник к нам приходит!” – подмигивала кухарка корзине с провизией. “Праздник к нам приходит!” – вторили перины, взбиваемые горничной» [15, с. 175]. Несколько позже та же фраза видоизменяется, завершая ироническое развитие темы радости: «“Праздник к нам пришёл и попался!” – пропела золотая цепочка на купеческом пузе» [15, с. 179].

В тексте романа можно встретить самые разные фразы, ассоциирующиеся с телевидением, например, названия телевизионных сериалов, скопированных с американских: «закон и порядок» [15, с. 192], «...ваша прекрасная няня слишком много читала пьес» [17, с. 395]. Вот фраза, аллюзивно отсылающая читателя к телевизионному фильму «Место встречи изменить нельзя»: «Да вам, господин Ванзаров, на эстраде выступать... Фокусы почище моих показываете» [15, с. 431]. Подобное обращение вполне оправданно: сегодня телевидение – одна из основ, без которой жизнь человека кажется неполноценной. Поэтому обращение к зрительскому опыту включает литературное произведение в более

широкий круг реалий, окружающих человека в повседневной жизни. Можно сказать, что, используя подобный материал, автор «делает красиво», по выражению В. В. Маяковского [11, с. 310], читателю. Но в этом приёме, наверное, есть и более глубокий смысл: происходящее в романе становится почти что фактом реальности, т.к. перекликается с другими сферами жизни читателя. А сам он из «получателя» продукта творчества превращается в сотворца.

Ассоциативный материал, используемый А. Чижом, очень разнообразен, но всегда служит цели активизации коммуникативных процессов, возникающих в связке «автор – читатель». В кругу аллюзивного соотнесения оказывается тот опыт, который читатель получает в повседневной жизни. В романной реальности вдруг проступают приметы жизни обычного человека начала XXI в., например, плохое качество медицинских услуг – одна из важнейших проблем нашего времени. Читатель наверняка отреагирует на фразу «лечили здесь плохо, но бесплатно, что иногда спасало жизнь» [16, с. 21]. Другая «массовая» проблема, касающаяся сегодня всех и каждого, – дорожные пробки. И это переносится в начало XX в.: «Редкие прохожие притормаживали, чтобы поглазеть. Уличной пробкой их не удивишь (тоже невидаль для столицы!), а вот узнать, что за публика такая собралась, – любопытно» [15, с. 411]. Точно так же читатель отреагирует и на фамилию певца – Баскув, чей голос неизменно восхищает окружающих. Комизм заключён в том, что романский певец – негр, изгнанный из собственного коллектива, приехавшего на гастроли, и оставшийся совсем без средств: «– Точно! Назовём его как-нибудь звучно: Громский... Или Шумский... Нет... Может, Звонский?.. Не то... – Может, Баскув? – сказал Родион. <...> Гениально! Баскув! Чёрный голос России!» [15, с. 409].

Все приведённые примеры подтверждают тезис о том, что использование прецедентных текстов активизирует читательское восприятие. Таким образом, интертекстуальность в массовой литературе прежде всего служит коммуникативной цели – установлению диалогических отношений между автором и читателем. И в этом сходство художественной литературы с журналистикой.

Апелляция к прецедентным текстам в процессе коммуникации может служить самым разнообразным целям. В исследовании Л. Г. Бабенко выделяется несколько типичных «задач» прецедентных текстов: характеристика художественного образа, выявление психологической доминанты героя, передача эмоционального состояния персонажа и т.д. [2, с. 68–74], но, наверное, основной следует назвать социализацию изображения. Автор, сознательно или нет, создаёт текст, содержащий отсылки к хорошо известным читателю явлениям определённого культурного ряда.

Ю. М. Лотман писал: «Изучение “массовой культуры” становится одной из наиболее острых проблем современной социологии. Она непосредственно влияет на теоретические построения исследователей современного искусства, в особенности тех его видов, которые прямо связаны с техническими достижениями в области массовых коммуникаций» [9, с. 818]. Социологи рассматривают массовую литературу как источник представлений о современном человеке [5], поскольку она подчёркнуто социальна [8]. В этом плане романы А. Чижа могут служить иллюстрацией к исследованиям социологов.

Можно обратиться и к другому авторитету. Интертекстуальность, по наблюдениям Р. Барта, не только не отрывает художественный (публицистический) текст от социального контекста, но и предусматривает определённый «социальный объём» [3, с. 516]. Литературное произведение, уподобляясь фильму, разным формам шоу и др., сближается с реальностью, в которой живёт массовый читатель, становится явлением иного порядка, нежели высокое искусство.

Процессы игрореализации, характерные для массовой литературы, предполагают одновременное развитие в нескольких направлениях. Одно из них вовлекает конкретное произведение в сложные взаимоотношения с другими. Это свойственно и романам А. Чижа, которые уже историческим антуражем напоминают произведения Б. Акунина. Высказывалось мнение, что Антон Чиж – это ещё один псевдоним Г. Ш. Чхартишвили, настолько мастерски в его романах выстроена детективная интрига, а герои – живые люди, наделённые запоминающимися характерами и индивидуальными чертами. Добавим хороший русский язык и стилистику текста, и мысль об очередной мистификации господина Чхартишвили (история с Брусникиным) получает право на жизнь. Тем более что в романе «Смерть мужьям» герой вспоминает, что в самом начале карьеры написал знаменитому сыщику Эрасту Петровичу Фандорину письмо, но так и не получил ответа [16, с. 47–48]. Так, «серийный» герой акунинских романов становится частью реальности, созданной А. Чижом. Этот приём никак нельзя считать изобретением этого писателя, он давно известен в литературе, часто встречается, и у Акунина (в его многочисленных стилизациях и не только) в том числе.

Сам А. Чиж тоже не чужд мистификации, что правомерно рассматривать как один из процессов игрореализации. В первых публикациях его фамилия писалась в дореволюционной традиции и выглядела как «Чижь» (на некоторых сайтах такое написание сохранено). На обороте обложки помещалась фотография автора, стилизованная под старинный дагерротип. Вопрос о реальности имени автора так до сих пор и не прояснён, хотя на литературных сайтах в Интернете он представляется как реальное лицо, наделённое биографией. Автор часто позиционирует себя как часть романной реальности. Он тоже вовлечён в процесс игры. Обыгрывается его имя. Так, в романе «Аромат крови» Ванзаров в интересах следствия представляется людям не своим настоящим именем, а в качестве Антона Чижа:

«– Какой вы, оказывается, милый, господин Чиж...

– Называйте меня Ванзаров Родион Георгиевич.

На удивлённый взгляд барышни было дано разъяснение:

– Мой творческий псевдоним. Иногда романчики пописываю криминальные. Под своей фамилией нельзя, сами понимаете – полиция» [15, с. 308].

Интересно, что, когда собеседница просит его назвать свои произведения, он называет подлинные романы Чижа: «– Ну, хоть названия скажите, жутко любопытно встретить живого автора! – “Мёртвый шар” и “Смерть мужьям”, – выпалил Родион первое, что пришло на ум» [15, с. 308]. В романе «Божественный яд» [18] обыгрывается похожая ситуация.

Таким образом, автор включается в круг героев, но не как участник событий, а как принадлежность к игровому миру, воссозданному в романе. Всё,

о чём шла речь, усиливает ощущение условности, идущее в разрез со стремлением к достоверности, поддерживаемым многочисленными историческими реалиями, стилем речи героев, логикой их поведения и многим другим. В результате создаётся провокационная реальность, сбивающая с толку читателя и вовлекающая и его в игру.

Интертекстуальность – одно из качеств массовой литературы, о чём мы уже писали [4]. В данном исследовании «чужое слово» рассматривается в связи с процессами игорреализации, характерными не только для беллетристики, но и для прессы, рассчитанной на того же массового читателя. Не будем углубляться в изучение журналистики, тем более что это уже сделано в диссертации К. Ю. Мосесовой [12]. Обратимся к литературному тексту и попытаемся понять, какова цель создания атмосферы игры в романах А. Чижа. Наверное, стоит взять за основу тезис о том, что в массовой культуре (а именно её составляющими являются и литература, и журналистика, рассчитанные на обывателя) происходят процессы, имеющие своей целью привлечь внимание читателя, заинтересовать и увлечь его.

В журналистике интертекстуальность рассматривают как главную идею текстовой игры. Думается, что в художественной литературе диапазон используемых средств гораздо шире, т.к. художественный текст сам по себе предоставляет для этого больше возможностей. В литературной игре определённая роль отводится аллюзивности. Обратимся вновь к романам Антона Чижа. Конечно, первым делом рассмотрим, к каким аллюзиям прибегает автор. Пожалуй, самым популярным классиком для него является Н. В. Гоголь. Аллюзии из произведений классика рассыпаны по романам Чижа: «Храмом уединённых размышлений было выбрано людное кафе» [16, с. 186]. Чиновники полиции буквально списаны с гоголевских образов: «Сам Савелий Игнатьевич был мужчиной удобным, то есть умевшим вовремя нагнуться, приложиться или выслужиться» [16, с. 66]. Обращения к гоголевскому наследию и к самому великому писателю встречаются довольно часто. Конечно, автор берёт те цитаты, что широко известны и потому узнаваемы. Изменяя их и придавая им новый смысл, он включает их в игровую реальность, усложняя изображение для читателя или придавая изображению иронический смысл.

Массовой литературе свойственен принцип десакрализации высоких литературных образцов, что мы и наблюдаем в романах А. Чижа. Наверное, поэтому аллюзивное соотнесение с классикой всегда усиливает комический эффект: «Люблю тебя, Петра варенье...» [17, с. 9]. Можно встретить фразу из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: «...Ванзаров, добрый мой приятель, родился на берегах Невы... Позвольте, где-то это уже было?.. Ну и ладно... Вернёмся к Родиону» [16, с. 16]. Таким образом, фразы из классики становятся прецедентными текстами. Именно они позволяют автору эксплицировать новые смыслы без опасения быть непонятым. Кроме того, усиливается ощущение национальной принадлежности произведений. Они как бы вписываются в известную читателю традицию, освящённую временем. Конечно, это лишь внешнее соотнесение, не затрагивающее глубинных смысловых и эмоциональных пластов классического наследия. Но даже столь поверхностное обращение к классике в соединении с другими элементами игры вовлекают читате-

ля в её течение. Игровая реальность воспринимается как более сложная, а роль читателя активизируется.

Опираясь на известную теорию М. Маклюэна, который предсказал глобальную театральность коммуникации [10], можно говорить о стремлении массовой литературы к созданию «естественной коммуникации» (терминологическое определение М. Маклюэна), в которой автор и читатель находятся в «едином процессе демонстрации смыслов, их интерпретации» [10, с. 38].

Й. Хейзинга утверждал, что игра позволяет человеку переместиться в инобытие, в котором нет сословных, меркантильных и прочих ограничений: «Игра снимает то жестокое напряжение, в котором человек пребывает в реальности» [14, с. 135]. Массовая литература в большой степени видит свою задачу в развлечении публики. Но, с другой стороны, это и манипулирование аудиторией, навязывание читателям определённых способов мировосприятия, вовлечённость коммуникаторов в сферу коммерциализации, навязывание известных стереотипов.

Подводя итог, можно сказать, что процессы игореализации в массовой литературе – явление разнородное и интересное. Его изучение позволит глубже понять механизм воздействия художественного текста на читателя, прояснить отношения автора и читателя как равноправных коммуникантов, а по большому счёту, выявить какие-то скрытые процессы, происходящие в обществе и объясняющие мироощущение современного человека.

Список литературы

1. Акунин Б. Собрание сочинений (1993–2010) [Электронный ресурс] / Б. Акунин. – Режим доступа: <http://free-war.net/books/220456-bakunin-sobranie-sochinenij-1993-2010.html>. – Дата обращения: 27. 12. 2011. – Загл с. экрана.
2. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа [Текст] / Л. Г. Бабенко.– М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004.– 464 с.
3. Барт, Р. Избранные произведения: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 518 с.
4. Брызгалова, Е. Н. Коммуникативные технологии в современной массовой литературе (на материале романов А. А. Бушкова) [Текст] / Е. Н. Брызгалова // Вестник Тверского государственного университета. – 2011. – № 3 (Филология). – С. 105–112.
5. Гудков, Л. Д. Литература и общество : Введение в социологию литературы [Текст] / Л. Д. Гудков. – М. : Издательство РГГУ, 1998. – 80 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 298 с.
7. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации [Текст] / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гносис», 2001. – 270 с.
8. Лозгачёва, Е. Литература как предмет социологии [Электронный ресурс] / Е. Лозгачёва. – Режим доступа: sociologist.nm.ru/study/seminar_54b.htm. – Дата обращения: 20.12.2011. – Загл. с экрана.

9. Лотман, Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема [Текст] / Ю. М. Лотман // О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1997. – С. 817–826.
10. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека [Текст] / М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. – М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.
11. Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений [Текст] : в 13 т. / В. В. Маяковский. – М. : ГИХЛ, 1955–1961. – Т. 11. : Киносценарии и пьесы 1926–1930. – 1958. – 704 с.
12. Мосесова, К. Ю. Бульварная пресса: процессы интертекстуальности и игорреализации [Текст] : дис... канд. филол. наук : 10.01.10 / К. Ю. Мосесова ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2008. – 150 с.
13. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности [Текст] / Н. Пьеге-Гро. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
14. Хейзинга, Й. Человек и культура [Текст] / Й. Хейзинга // Современная западноевропейская и американская эстетика : сб. переводов. – М. : Перспектива, 2002. – С. 118–154.
15. Чиж, А. Аромат крови [Текст] / А. Чиж. – М. : Эксмо, 2011. – 448 с.
16. Чиж, А. Смерть мужьям [Текст] / А. Чиж. – М. : Эксмо, 2011. – 416 с.
17. Чиж, А. Мёртвый шар [Текст] / А. Чиж. – М. : Эксмо, 2011. – 416 с.
18. Чиж, А. Божественный яд [Электронный ресурс] / А. Чиж. – Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=40119477536449. – Дата обращения: 15.01.2012. – Загл. с экрана.

THE PROBLEM OF INTERTEXTUALITY IN THE MODERN MASS LITERATURE

E. N. Bryzgalova

Tver State University

Department of journalism and modern russian literature

The article addresses semantic games processes popular with the modern mass literature and the culture as a whole. Intertextuality, among others, constitutes the basis for these processes. Novels by the modern writer Anton Chizh make it possible to analyze specific use of “borrowed words” for making communicative processes stronger and for involving the reader in a conversation with the author.

Keywords: *modern mass literature, semantic games, communication, intertextuality, novel, author, reader, Anton Chizh*

Об авторах:

БРЫЗГАЛОВА Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики и новейшей русской литературы Тверского государственного университета, e-mail: bryzgalovaelena@gmail.com, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.

